

Владимир Лим

Бухта Русская

Рассказ

Сначала все было хорошо: и папа не опоздал, забежал проводить, и ребята увидели во дворе, как поздоровались с ним за руку взрослые — дядя Митя, мамин брат, и Наташа, его невеста.

День просветлел, и видно стало далеко.

В порт приехали вовремя, теплоход без них не ушел, и на трапе не задержали, чего мальчик так боялся все эти дни, ведь ребята говорили, что маленьких в бухту Русскую не берут. И только бабушка Нина, мамина мама, прощаясь на пирсе, чуть было не испортила все слезами своими и поцелуями. Хорошо еще, Наташа не видела, искала билеты в сумочке, уронив на лицо волосы.

Все было хорошо, и как стало плохо, мальчик не заметил.

Бабушка Нина держала гаечку с ниткой, которую он спустил ей с кормы, и когда теплоход пошел от пирса, катушка в ладошке зашевелилась. Бабушка Нина подергивала нитку и плакала, как будто он уже уезжал на материк к бабушке Вере, папиной маме.

— Господи, старые что малые, — вздохнула Наташа.

— Да... — согласился дядя Митя.

— Не плачь, старая, — закричал мальчик, — а то уронишь!

Наташа засмеялась, и дядя Митя тоже.

Бабушка, не слыша, торопливо кивала.

Шумела зеленая вода, узлами выворачиваясь из-под кормы; кричали, пели у борта люди; ахали гудки; мелко щекотно дрожала палуба; тихо, мягкими толчками побежала с катушки черная нить.

Где-то в порту ударили по железу, и от долгого железного грома с плачем поднялись чайки, повисли над теплоходом, роняя молочко на палубу.

Зашевелился кран, с диким воем повернул жирафью шею и спрятал голову за контейнерами.

Теплоход пошел носом — все скорее и скорее, катушка билась, дергалась на гвоздике, жгла пальцы; нитка вдруг натянулась, оборвалась и пропала.

— Лопнула! — закричал мальчик. — Лопнула!

Бабушка не слышала, все стояла, смешная, с протянутой рукой.

Лим Владимир Ильич родился в 1948 году на Камчатке, закончил Литературный институт им.А.М.Горького, семинар Ю.В.Трифонов, работал в «Комсомольской правде», автор книги «Горсть океана» (2016). Живет в Петропавловске-Камчатском. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Мальчики, пошли, я устала, — сказала Наташа.

— Да, пошли, — согласился дядя Митя, поднимая тяжелую сумку.

— А бабушка? — спросил мальчик.

— Что бабушка? — Наташа оглянулась и посмотрела сверху, прижимая локтем плоскую сумочку, — бабушка увидит, что нас нет, и уйдет.

Мальчик пошел за ней, в ее теплом нежном запахе.

В вестибюле Наташа остановилась, остановился и мальчик, замороженный ледяными гранями зеркал; празднично, обильно горели лампы, ответно сияла латунь; и тот же смех, веселый говор.

Все смотрели на Наташу — сначала отраженную, потом живую.

Пошли по длинному, вокзалом пахнущему коридору, мальчик то и дело попадал глазами в раскрытые двери кают.

Опять все следили за Наташей, но тайком — только скашивали глаза, круто выворачивая белки.

Наташа приподняла подбородок, открыв высокую шею, стала еще красивее, но мальчик ощутил себя забытым, отделенным от нее, он даже остановился, не понимая своей печали, и оглянулся: дядя Митя отстал совсем, и тогда мальчик подбежал к Наташе и пошел рядом, подняв к ней лицо.

Наташа коротко кивнула, взъерошила ему волосы, он почувствовал затылком ее теплые пальцы, твердый ободок колечка, и ему снова стало как прежде.

В каюте мальчику больше всего понравилась верхняя койка, особенно никелированная лесенка, он тотчас же забрался по ней, шаркнул шторками и объявил, что спать будет здесь.

— Ты можешь упасть ночью, — не разрешила Наташа.

— Не упаду, — весело возразил мальчик.

— Нет, упадешь, — тихо, но твердо сказала Наташа, и мальчик вновь ощутил то чувство отделенности, ему сразу же расхотелось спать на верхней койке. Он быстро спустился и подошел к иллюминатору.

— Иди сюда, Лешка, — позвал дядя Митя с дивана, — полежим.

Дядя Митя лег, закинул руки за голову и со сладким стоном вытянул ноги.

Мальчик не ответил.

Наташа подошла к нему, присела на край стола, помолчала, потом сказала:

— Если тебе так хочется, спи наверху.

— Ладно, я буду внизу, — сказал мальчик и вдруг почувствовал, что у него дрожат губы.

— Ты чего? — Наташа мягко захватила его щеку ладонью. Чудак...

Пошли ужинать.

Теплоход вышел в океан, его плавно покачивало, вместе с ним покачивался голубой берег, одинокое плоское облачко. От яркой воды, охваченной жарким колеблющимся светом, бежали по близкому потолку, стенам, лицам волнистые нескончаемые блики — как на дне чистой реки.

Нарядными ленивыми белобрюхими рыбами проплыли официанты, держа на отлете перегруженные подносы.

Вошел в ресторан, огляделся, показав тяжелую круглую спину, широкий человек и вдруг двинулся прямо на мальчика.

— Кого я вижу! — сказал человек, приподнимая крепкие локти. — Приятная встреча!

— Не думаю, — пробормотал дядя Митя.

— Здравствуй, Дмитрий, — снисходительно сказал человек. — А вы, Наталья Пална, извините, сегодня просто великолепны!

— Спасибо, Виталий Семёнович, от Дмитрия хорошего слова не дожدهшься. А вы с кем? — Наташа слегка прищурилась, глаза ее стали мягкими, веселыми.

— Вот как! Сразу — с кем? Что, мы не люди? Не можем себе позволить? — Виталий Семёнович подмигнул.

— Кто это — мы? — спросил дядя Митя.

Виталий Семёнович только положил ему на плечо пухлую красную руку:

— Один я. Капитан, школьный товарищ, пригласил, я и подумал, а что б мне до бухты Русской не прогуляться. Говорят, красиво.

Виталий Семёнович замолчал, грустно посмотрел на Наташу.

— Присаживайтесь к нам, если хотите, — пригласила Наташа.

— Извините, с удовольствием, — Виталий Семёнович подошел к свободному креслу рядом с Наташей, но не сел, — вы уже все заказали? Нет? Тогда, извините, я возьму это на себя.

Дядя Митя хотел ему что-то сказать, но Виталий Семёнович уже отошел.

— Зачем ты это сделала? — тихо сказал дядя Митя.

Наташа ничего не ответила.

— Это нельзя, нельзя, понимаешь? — дядя Митя через стол наклонился к ней.

— Отчего же? — Наташа прищурилась.

— Да оттого, что ты ему... что он... — дядя Митя оглянулся на мальчика.

— Ну-ну, — подзадорила Наташа.

— Мне это противно!

— Мужские бредни! — Наташа достала из сумочки сигареты, нервно разорвала пачку, глаза ее гневно раскрылись. — Им не противно! Они тебя съедят с потрохами — им не противно. Да ему стоит мизинцем шевельнуть, и они отвяжутся... Кому нужно твое чистоплюйство? Мне? Вот оно где у меня! — Наташа чиркнула прямой ладонью по горлу.

— Да, крепко мы развлекаемся... — дядя Митя вдруг засмеялся и обнял мальчика.

Наташа, отвернувшись, курила.

Дядя Митя взял ее за руку, Наташа хотела вырвать, но дядя Митя не отпустил.

— А бухта Русская скоро? — спросил мальчик.

Ему не ответили. Дядя Митя и Наташа переплели пальцы и молча смотрели друг на друга.

Вернулся Виталий Семёнович, подвел к Наташе кудрявого официанта, и тот, подпернув рукава, удовлетворенно записал в блокнотик все, что она ему продиктовала.

— А кто же будет этот милый молодой человек? — с равнодушной улыбкой обратился вдруг Виталий Семёнович к мальчику.

У мальчика от тревожного, разом охватившего смущения поникли глаза.

— Мой племянник, — сказал дядя Митя.

— Вот как! Что ж ты папу с мамой одних бросил? А?

— Не бросил, — тихо, упрямо ответил мальчик.

— Извини, милый, — Виталий Семёнович тронул мальчика своей тяжелой рукой.

Вернулся официант, важно расставил тарелки с едой. Виталий Семёнович всех угощал, как будто был хозяином за столом.

По радио объявили, что в бухту Русскую теплоход прибудет в полночь и простоят там до утра.

Все засмеялись, захлопали.

— Хитро! — сказал Виталий Семёнович и подмигнул.

— Ура! — крикнул мальчик. — Будем всю ночь рыбу ловить!

Все снова засмеялись. Наташа покраснела.

Мальчик быстро поел, отодвинулся к иллюминатору и стал смотреть на океан.

Когда у папы не было семьи, не было маленького, они часто ездили в Завойку. Дядя Митя добывал морских червей, собирал сушняк, потом лежал на пляже с книгой на лице, а папа ловил с камня окуней, и как же было весело, жутко снимать их с крючка — тяжелых, остроперых, зубастых, и как же с тех пор радует вид открытой, пестро-солнечной большой воды — вспоминается мигание поплавок на волнах, неясные, быстрые, толчками идущие из глубины тени рыб, прозрачный легкий огонек костра на тихом берегу, котелок в шубке сажи...

Виталий Семёнович заговорил о каком-то Троицком:

— Хороший работник — расторопный, исполнительный...

— Троицкий — дуб, — мрачно сказал дядя Митя.

— Дмитрий! — вскрикнула Наташа.

— Ничего, ничего, — Виталий Семёнович придержал ее за локоть, — это интересно. Люблю прямоту.

— Не любите, — снова возразил дядя Митя. Наверное, никак не мог остановиться.

— Вот как! — Виталий Семёнович улыбнулся.

Дядя Митя перегнулся через стол и убрал руку Виталия Семёновича с локтя Наташи.

Виталий Семёнович оглянулся и сказал:

— А ведь верно — гении мне не нужны. Гении, извините, как девушки — капризны, ленивы. Предпочитаю посредственность. Исполнительности и преданности таким не занимать. Есть на что опереться. Вот вы. Вы, извините, талантливы, но совершенно не ладите с людьми...

— Минуточку, Виталий Семёнович, — Наташа раскрыла сумочку, достала кошелек, — маленький, хочешь в игровой зал? Там хорошо, автоматы, — она вложила в ладошку мальчика деньги.

Мальчик встал, посмотрел на дядю Митю, хотел напомнить о рыбалке в бухте Русской, но у него было такое насмешливое злое лицо, что мальчик не решился.

Он шел на музыку — по длинному скучному коридору, мимо глухих дверей, догнал парня и девушку, которые то и дело останавливались и обстоятельно целовались. Музыка становилась все громче, и вместе с ней слышной визгливый смех и тяжелый многоногий топот.

Мальчик остановился у входа в танцзал и загляделся на двух веселых близнецов, они смеялись и прыгали, взявшись за руки, — передразнивали танцующих.

Мальчик вспомнил, как когда-то, давным-давно, папа танцевал с мамой, и они оба забыли о нем, он попросился на руки, папа посадил на плечи, и потолок так приблизился, что можно было дотянуться рукой, все закружилось, и стало весело.

На закрытой палубе, рядом с залом игровых автоматов, на теннисных столах тесно сидели девушки в пестрых от значков и надписей куртках; весело косили глазами из-под выгоревших нежных бровей и пели под гитару частушки:

Девки любят офицеров,
Бабы любят шоферов.
Девки любят ради денег,
Бабы любят ради дров!

Мальчик протиснулся сквозь плотную, одобрительно похохатывавшую толпу и вошел в зал.

В углу, у электронного тира, молча, вяло тузили за что-то друг друга близнецы.

Мальчик остановился возле них.

Близнецы обменялись увесистыми оплеухами и подскочили к нему, мальчик отшатнулся, решив, что теперь они возьмутся за него.

— Пацан, деньги есть? — спросили близнецы одновременно.

Мальчик молча вынул мелочь. Близнецы обрадовались и, обняв его, повели к «морскому бою».

Мальчик не доставал до штурвала, близнецы принесли скамеечку.

С первого же выстрела мальчик подбил крейсер, и, как только вспыхнуло электронное Зарево взрыва, близнецы с двух сторон закричали:

— Есть!

Потом мальчик промахнулся, потом еще и еще.

Близнецы дружно засопели. Мальчик заволновался и стал стрелять наугад.

— Сейчас, сейчас, — забормотал близнец справа и оттеснил мальчика от штурвала, выстрелил дважды и промахнулся, потом стрелял близнец слева, потом мальчик, снова близнецы.

Монетки неожиданно кончились, близнецы постучали в погасшее мертвое окошечко автомата и, переглянувшись, позвали играть в прятки.

Мальчик радостно закивал головой, пошел за ними куда-то вниз — по железным, гудевшим под ногами ступеням, торопясь, волнуясь, рассказал им, как однажды поймал большого окуня.

Близнецы не дослушали, сказали, что однажды тоже поймали очень большую рыбу, только названия не помнят.

Они поставили мальчика лицом к двери с надписью «Посторонним вход воспрещен!», велели закрыть глаза и считать до скольких сумеет.

Мальчик посчитал и пошел искать.

Он долго бродил по переходам, негромко аукал и опасливо заглядывая под лестницы, в ниши, в пожарные ящики.

Близнецов нигде не было. И тут мальчик обнаружил, что не слышна уже музыка, человеческая речь и давно нет никаких людей, всюду тихо, мертво, только где-то за железными стенами гудит и сотрясается что-то большое. И коридор был другим — тесным, с резкими путающими поворотами, тупиками, в трубах, толстых пучках проводов, со слабыми зарешеченными лампами. И пахло иначе — железом, духовкой, сухой краской.

Мальчик взбежал по трапу и уперся в неподвижную тяжелую дверь. Он прислонился к ней спиной и долго бил ногами, потом прислушался — не идет ли кто на выручку, уловил шорох, похожий на затаенное дыхание, и замер: а вдруг там стоит и поджидает его какой-нибудь страшный враг?

Он на цыпочках спустился вниз и побежал назад.

Вместо двери с надписью была другая — двухцветная, как клоун, но такая же неподатливая. Мальчик понял, что заблудился. Он сел в уголке — так, чтобы никто не мог наброситься на него сзади или сверху, и тихонько заплакал.

Мальчик, наверное, уснул, потому что вдруг увидел перед собой человека в раскрытой на голой груди замасленной сатиновой куртке, в кепке с длинным козырьком.

Мальчик вскочил.

— Ничего себе! — сказал человек. — Ты чего здесь?

— Потерялся, — робко ответил мальчик.

— Ага, — человек помолчал. — Давай сюда!

Мальчик вошел за ним в дверь, ступил на частую решетку, сквозь нее сочился снизу, раздувая штанины, теплый плотный ветер.

Мальчик шел, борясь со страхом, стараясь не смотреть вниз, на дно просторного колодца, где работала огромная живая машина, наполняя все ровным вибрирующим гулом и частым оживленным чмоканьем.

— Боязно? — спросил весело человек.

— Не-ет, — сказал мальчик, но человек все же подождал его и взял за руку. Ладонь у него была большая, твердая и мягко вяжуще пахла легкой гарью и машинным маслом.

Мальчику стало хорошо, он зашагал вольно, весело взглядывая и на идущего рядом большого спокойного человека, и за звенящие тонкие перила.

Они все поднимались и поднимались, и когда мальчику стало казаться, что теплоход давно уже закончился и они идут неизвестно где, человек вдруг остановился, отворил дверь, махнул рукой в коридор и сказал своим густым радующим голосом:

— Так и чеши — прямо и наверх.

Мальчик с сожалением вынул руку из его ладони и побежал.

Дверь сзади затворилась, гул оборвался, и сразу стали слышны музыка, голоса.

Мальчик почувствовал лицом и особенно нагретой ладонью встречный ток холодного сырого воздуха, поднялся по трапу и оказался на палубе.

Открылся океан.

Мальчик услышал совсем рядом, над головой, знакомый давящий голос Виталия Семёновича. Он и Наташа стояли за соломенными креслами у самого трапа.

— Конечно займусь, это, извините, долг... Только ты подумай, зачем он тебе? Он же неудачник, лентяй, каких свет... — Виталий Семёнович поймал руку Наташи и потянул к себе.

— Что это вы? — засмеялась Наташа.

— Он не ценит тебя, ты удивительная, я тебе дам все, — Виталий Семёнович придвинулся, прижал Наташу к перилам.

— Ну-ну! — сказала она.

Виталий Семёнович, шумно дыша, потянулся к ней губами.

Наташа уперлась ему в грудь, вывернувшись, шарахнулась к трапу и, увидев мальчика, охнула.

Мальчик потянулся к ней, но Наташа подхватила подол платья и пробежала мимо, гневно перестукивая каблуками, Она бежала все быстрее и быстрее — от него бежала, больно ощутил он. Ему стало страшно, как если бы остался один на огромном мертвом без людей корабле, охваченном железным гулом взбесившейся машины.

В каюте стоял тяжелый запах вина — памятный горький запах мамы.

Дядя Митя неподвижно, бревном, лежал на диване.

Наташа открывала иллюминатор.

Мальчик забрался на верхнюю койку, задвинул шторы и вдруг услышал плач.

Наташа сидела на диване, уткнувшись лицом в колени. Плечи ее вздрагивали.

Мальчик стал рядом, долго не решался утешить ее, потом сказал:

— Не плачь, я тебя люблю.

Наташа помотала головой и заплакала в голос.

И мальчик тоже заплакал. Сначала — неизвестно почему, потом подумал о бабушке Вере, папиной маме, у которой живет белый драчливый петух, он не хотел ехать к ней на материк, он любил море, морских рыб и боялся петуха, его клюва, его круглых злых немигающих глаз. Он любил бабушку Нину, но у нее нет здоровья; он вспомнил, как она стояла на пирсе, может быть, она и сейчас стоит там же, протянув руку, и хотя он знал, что она ушла, продолжал думать, что она стоит, и заплакал уже от жалости к ней.

Они плакали долго, потом мальчик устал и замолчал.

Наташа обняла его и, икая, сказала:

— Т-ты-и чего ревел?

— Бабушку Нину жалко, — признался мальчик.

Наташа тихо засмеялась, и мальчик почувствовал лицом ее влажное дыхание.

Теплоход остановился, дрогнул, загремели дробно якорные цепи.

— Бухта Русская, — слабо донесся из иллюминатора сонный женский голос.

Наташа подняла голову дяди Мити к себе на колени, запустила пальцы в его волосы и попросила:

— Димыч, не спи, не спи...

Мальчик забрался на стол и выглянул в иллюминатор.

Он увидел тяжелую блескучую черную воду, мутную набегающую кромку тумана, стеной нависший черный берег, над ним, у самой черты остекленевшего неба, — лучистые огни.

А под берегом, знал мальчик, в широких листьях морской капусты, стоят, мягко шевеля плавниками, твердошекие окуни, жмутся ко дну рыжие мирные линии, и, может быть, крадется к ним из ледяной мгlistой глубины черная акула.